

История есть, если только она написана-2

После дороги продолжительностью в 11 лет

Рассматривается многолетний процесс теоретико-эмпирического исследования истории современной российской социологии, приводятся важнейшие историко-научно-ведческие выводы и обсуждаются основные инструментальные (методические) результаты. Впервые вводится поколенческо-функциональный анализ истории советской и постсоветской социологии.

Ключевые слова: история советской / российской социологии, лестница поколений, поколенческо-функциональный анализ.

Борис Докторов
независимый исследователь

В память о Владимире Александровиче Ядове

Когда работа над этим текстом уже шла, не стало Владимира Александровича Ядова. На эту смерть откликнулись многие, писал и я, но хотел бы продолжить.

Проект, рассматриваемый ниже, я с полным правом могу назвать "Ядовским". Владимир Александрович был одним из инициаторов моего изучения истории российской социологии, был в ряду первых, кто рассказал о себе, постоянно консультировал меня по вопросам генезиса и развития отечественной социологии, читал и комментировал мои первые статьи. В далеком 2007 году он предложил мне ответить на его вопросы о жизни и методологии моих историко-социологических поисков. Его суждение о том, что мой исследовательский стиль напоминает ему работу естествоиспытателей и указывает на «несколько иное [БД: чем у наших коллег] восприятие гуманитарной науки, каковая отнюдь, не science», во многом стало определяющим для моей последующей работе. Три мои книги по материалам этого проекта: «бумажная» и онлайн-овые, еще при жизни Ядова были посвящены ему.

В «Социологическом журнале» (2015, №3) опубликованы три письма В.А. Ядова, содержащие интересную и ценную автобиографическую информацию. Письма были адресованы мне, но они - не частного характера, тем более, что одно из них начиналось словами: «... решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключаю, на другой день после похорон брэнных останков В.Я.». Одно из этих писем (8 октября 2013 года) я публикую ниже, мне кажется, оно будет особо дорого ленинградским / петербургским социологам. Название текста было дано Владимиром Александровичем.

Что бы я сказал о своей жизни

Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь. Моему поколению выпало прожить не одну, а семь жизней: довоенную послеоктябрьскую, период страшной войны, послевоенную, полную надежд, хрущевскую оттепель, затхлую брежневскую, великую горбачевскую перестройку и, наконец, нынешнюю эпоху коррупционного и правового беспредела.

Сколько социальных ролей было исполнено? Начал капитальным ребенком при любящих родителях, дворовым хулиганом, примерным пионером со всевозможными значками юного ленинца, от ГТО и юного Ворошиловского стрелка до значка МОПР (Международная организация помощи борцам революции); гордился пионерским галстуком и испанкой с красной кисточкой на стриженной под ноль голове; эвакуированным заморышем шагал с барабаном впереди отряда в деревне под Лугой; вместе с ребятами из четвертого класса под бомбами реэвакуировался в Ленинград и опять под обстрелом был отправлен эшелонам детей в Ярославскую область; пас овец и

собирал колоски; в комсомол меня принимали в г. Буй, куда шли 10 км, а в райкоме демонстрировали знание нового гимна страны: «Нас вырастил Сталин...». Товарным вагоном с мамой и сестрой вернулся в Ленинград; 9-й класс окончил курсантом авиашколы, гордился летной формой с крылышками на погонах; День победы встретил с друзьями на Дворцовой площади.

А дальше: был комсоргом факультета и зам. секретаря комитета ВЛКСМ университета; с партийным выговором учительствовал в начальной школе; исключенным из партии был рабочим резьбошлифовщиком; после смерти Сталина с партбилетом ненадолго стал аспирантом и два года Первым секретарем РК ВЛКСМ; благодаря язве желудка валялся в больнице и там почти закончил диссертацию. Вместе с Андреем Здравомысловым организовал первую в стране лабораторию социологических исследований. Был руководителем отдела ИКСИ в Ленинграде, руководителем социологического отдела в ИСЭП, старшим сотрудником Ленфилиала Инст. истории естествознания и техники. Добрался до должности директора академического института... Был вице-президентом трех международных ассоциаций...

Безмерно счастлив с Люкой¹, со школьных лет моей любимой подругой на всю жизнь; горжусь Колей², своим сыном, человеком чести; двумя внуками, внуком и двумя правнуками.

Счастлив работой с друзьями-коллегами, вместе с которыми немало опубликовали, за что не стыдно; счастлив с друзьями единомышленниками своего поколения, из которых многих уже нет с нами; счастлив с коллегами по работе...

Что не успел сделать? Все, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю.

О чем жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт.

Вероятно, за истекшие годы обидел многих, но, поверьте, без злого умысла.

Октябрь 2013.

Приведу и мой ответ (8 октября 2013): «Володя, спасибо за текст... это как же здорово читать: «Я... прожил удивительно счастливую жизнь». Но скажу тебе, ты сделал гораздо больше, чем написал, несоизмеримо больше. Это я говорю тебе и как друг, и как историк нашей социологии. Я писал тебе, что советская социология начинается с буквы «я», и буду писать...».

Теперь я мог бы многое добавить к сказанному, но помолчим...

Цель данной статьи — кратко рассмотреть итоги одиннадцатилетнего изучения истории современной советской / российской социологии. Жанр материала — историко-научно-ведче-

¹ Лесохина Люция (Людмила) Николаевна (1928-1992) — психолог, жена В.А. Ядова.

² Ядов Николай Владимирович, Санкт-Петербург; Генеральный директор компании "ТОЙ-ОПИНИОН".

ский. На примере одного проекта показано, как в процессе работы возникают различные исследовательские линии, как они развиваются, сплетаются, образуя сложную дискурсивную структуру. В науковедческом отношении описываемый ниже проект можно отнести к «простейшим», «элементарным», «модельным», поскольку он осуществляется одним человеком и нет необходимости анализировать внутрипроектную коммуникацию. Кроме того, настоящий проект в полном смысле — независимый. Он не вписан ни в какие официальные образования, внеинституционален и никем не финансируется. Отмечу и такой аспект проекта, как «прозрачность»: его методология, процедура сбора данных, промежуточные результаты постоянно публиковались в книгах, журналах и сетевых изданиях, обсуждались в ведущих социологических центрах России, рецензировались в известных профессиональных изданиях.

Введение.

По следам статьи одиннадцатилетней давности

В 2004 году в «Телескопе» № 5, т.е. ровно 11 лет назад, была опубликована моя небольшая по объему статья «История есть, только если она написана». Появилась она не случайно, ей предшествовала двухэтапная предыстория. Оба этапа отражены на страницах «Телескопа»; первый — относительно продолжительный, второй — очень короткий, стремительный.

Первый этап начался в 2000 году со статьи о жизни и творчестве Джорджа Гэллапа и постепенно перерос в изучение истории зарождения американской рекламы и становления современной технологии опросов общественного мнения в США. К концу 2004 года, т.е. за пять лет, эта тема была рассмотрена в девяти статьях.

Второй этап продлился полгода, второе полугодие 2004 г., и его центральной точкой является моя историко-биографическая статья о Б.А. Грушине, опубликованная осенью («Телескоп», 2004, №4). Работу над ней я не рассматривал как вхождение в анализ прошлого отечественной социологии, но лишь в качестве продолжения исследований истории опросов общественного мнения, но уже на российской почве. Более конкретно, статья задумывалась как развитие историко-социологического понятия «линия Грушина», намеченного в книге 2002 года, предшествовавшей и изучению творчества Гэллапа и тем более анализу истории отечественной социологии [1].

Материалы о деятельности советских / российских социологов и сейчас достаточно немногочисленны, особенно, если иметь в виду «портреты» живущих, действующих социологов, а в то время статья оказалась для многих полной неожиданностью. Б.М. Фирсов, В.А. Ядов написали мне, что так никто не писал, что это не только о Грушине, но — история нашей социологии. Но еще до их писем М.Е. Илле, издатель и редактор «Телескопа» предложил мне вести в журнале рубрику «Современная история российской социологии».

Это предложение, скорее всего, было продиктовано его редакторским чутьем, осознанием растущего — в тот момент — интереса к истории российской социологии, а также тем, что он видел и поддерживал мою активность в анализе американской истории становления опросной технологии. Опуская детали, скажу, что эти же два обстоятельства позволили мне сразу принять предложение Илле. Но замечу, исходно я не ориентировался на рассмотрение истории социологии в целом, мне хотелось понять общее и специфическое в развитии исследований общественного мнения в США и России.

В любом случае, названная статья «История есть, только если она написана» стала откликом на предложение Илле и попыткой определиться в своих собственных исследовательских начинаниях. Теперь, можно сказать, что этот текст сыграл роль стимулятора историко-социологических изысканий, очертил некоторые направления поисков, но он не был исследовательской Программой. Тем более, что тогда речь шла лишь о создании историко-социологической рубрики, но не о проведении

собственных исторических исследований. И все же имеет смысл обратиться к тому давнему тексту и понять, что из задуманного, повторю, как содержание журнального раздела удалось реализовать в рамках стихийно начавшегося изучения прошлого нашей науки.

Прежде всего, было признание того, что наука делается учеными и пока все наблюдавшееся и пережитое ими не выявлено, не проанализировано и не описано, истории науки нет, а незнание социологическим сообществом своей истории почти равносильно ее отсутствию. Далее утверждалось, что написание истории не сводится к созданию летописи событий, она нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отложенных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время. Таким образом, история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, прежде всего причастных к выработке собственно социологического знания.

Приведенная выше информация показывает, что статья «История есть, если...» была написана очень быстро. Однако знакомство с науковедческими построениями общего характера, а также опыт изучения процесса становления выборочных опросов общественного мнения в США и зарождения американского и международного сообщества полстеров позволяли допустить, что одной из сквозных тем исследования должно стать изучение коммуникационных сетей внутри российского социологического сообщества. Так оно и оказалось, реализовавшись в концепции формирования советских и постсоветских поколений российских социологов. Цепочка шагов — очень проста: от стремления к изучению коммуникационных сетей, к поколениям как продуктам развития профессиональной коммуникации в самой широкой ее интерпретации и затем — к движению поколений, т.е. прошлому-настоящему-будущему российской социологии

Десять лет назад можно было обоснованно сказать: «Сегодня, когда отцы-основатели советской социологии продолжают активно работать, еще есть возможность с их помощью восстановить и описать эти [Б.Д.: коммуникационные] сети». Как быстро и не только с исторической точки зрения, но и в координатах человеческой жизни пролетели эти годы. Многие из весьма малочисленной группы создателей нашей науки либо ушли навсегда, либо отошли от активной работы. Воспоминания некоторых удалось зафиксировать (замечу, не только мною, но и рядом других ученых и журналистов), однако, трудно представить, как много из нашего общего прошлого ушло вместе с ними, и потому насколько скудным обречено быть наше видение истории...

Понятно, что предполагалось, прежде всего, «сконцентрироваться на анализе процессов, происходивших и происходящих в ленинградско-петербургской социологии». И первые шесть проведенных интервью были с социологами, долгие годы работавшими в нашем городе, а по итогам 11 лет работы среди более ста моих собеседников — треть петербуржцы. Но также отмечалась важность широкого географического подхода к анализу процессов рождения и развития социологии. И этот замысел — в определенной мере — удалось реализовать: 40% опрошенных — москвичи, 13 человек — социологи Тюмени, 6 — Екатеринбург, столько же — Восточной Сибири и Дальнего Востока, наконец, 12 — работали или работают в других городах России.

Конечно, тот давний текст определил лишь общие направления историко-социологических поисков и установку на то, что их главным героем должен стать социолог. Но в конце 2004 года невозможно было предположить, что проект окажется столь продолжительным, так что никакая программа, созданная тогда, не могла бы задать его методологию, характер основного метода сбора данных и прочие его атрибуты. Все это разрабатывалось в процессе работы. Ниже рассматриваются глав-

ные вехи пройденного пути, обозначаются важнейшие результаты и обсуждается направление дальнейшего движения.

Timeline 1: вехи процесса интервьюирования и портретирования

Благодаря онлайн-овой глобальной коммуникационной сети Facebook в повседневный русский язык вошло слово Timeline, означающее упорядоченный во времени ряд событий. Несмотря на простоту этого понятия, составить Timeline продолжительного и многоаспектного исследования весьма сложно. Прежде всего, ведение дневника исследования — при том, что все работы выполняешь один — это дополнительная и непростая обязанность. Мне повезло, еще в середине 1980-х, задолго до эмиграции, я привык записывать сделанное за день, в Америке к этому добавился и компьютерный дневник. Так что эти технологические, организационные трудности в значительной степени были преодолены, но оставались — логические. Ведь многое из того, что со временем представляется и действительно является важным в развитии проекта, не замечаешь в каждодневной исследовательской практике и не вносишь в «вахтенный журнал». Тогда при составлении Timeline приходится обращаться к записям тех или иных сопряженных событий.

Итак, когда писалась «История есть, если...», я не очень задумывался о содержании и процедуре изучения прошлого нашей социологии. Отчасти, я был «испорчен» американской действительностью и научной инфраструктурой. Я жил и живу в крошечном (численность населения — 30 тыс. человек) северо-калифорнийском городке Foster City, где нет ни колледжа, ни научной библиотеки. Но при изучении совсем не знакомой мне действительности — возникновение исследований эффективности рекламы (вторая половина XIX века) и позже — рождение гэллаповской технологии выборочных опросов (1920 — 1940-е годы) я смог быстро наладить поток необходимой мне информации. Книжки, зачастую по символической цене в 1-2 доллара, я покупал через систему amazon.com или заказывал через мою городскую библиотеку из сети северо-калифорнийских библиотек. Особенно редкие книги библиотека помогала мне искать во всех библиотеках страны, и потом по очень умеренной цене мне их высылали в библиотеку, где я мог брать их домой.

Кроме того, большинство американских архивов уже давно размещают в интернете информацию о документах, хранящихся у них, и дают электронный адрес для контактов. Отправив запрос по электронной почте, я за день-два имел полные сведения о нужных мне документах и о том, как получить их копии. Обычно мне сообщали стоимость копирования страницы, и после моего согласия с их условиями я делал заказ, получал его по почте, там же лежал счет, который я должен был оплатить. Но нередко, зная, что документы нужны были мне для работы, я получал все необходимое мне как подарок от архива.

Наконец, я создал собственную сеть дружески настроенных к моим поискам американских ученых, причем, никого из них я в жизни не видел, которые и сами подробно отвечали на мои исследовательские вопросы, и давали советы, к кому обратиться.

Уже первые попытки (конец 2004 — начало 2005 гг.) воспроизвести элементы моего американского опыта при сборе данных о российской социологии, показали, мягко говоря, мою наивность. Прежде всего, даже если были электронные адреса для связи, то на мои письма почти никогда не отвечали или действовали по-Райкину: «Я — про колеса, мне — про насосы». Не помогали и телефонные звонки.

Одновременно я начал рассылку электронных писем коллегам, просил их присылать мне свои воспоминания о начале работы в социологии. Дух получаемых ответов можно передать словами: «Старичок, ты ничего не понимаешь в нашей жизни... как-нибудь потом, а лучше — приезжай, встретимся, поговорим...».

Хронология процесса интервьюирования

И вот, когда статья «История есть, если...» была почти завершена и надо было думать о наполнении заявленной рубрики «Телескопа», возникла идея интервью по электронной почте. Конечно, первым делом я обратился к Борису Максимовичу Фирсову, дружба с которым сохранялась и после отъезда. Замечу, дома у него не было Интернета, он писал на компьютере ответы на мои вопросы, переносил их на дискету и уже с нее на работе отправлял мне написанное.

В тот момент моим основным исследованием оставалась история американской рекламы и опросов общественного мнения, поэтому в дневниках мало записей о начале «российского проекта». Все же он был «периферийным». Но вот читаю (22-28 сентября 2004): «Начал работать над интервью с Фирсовым. Уже накидал много вопросов». Речь идет об интервью для «Телескопа». Следующая запись (4-5 декабря 2004): «... редактировал интервью с Фирсовым. Теперь — нечто похожее на то, что может быть опубликовано. Есть структура, вопросы». 12 января 2005 года интервью было отправлено М.Е. Илле для подготовки к публикации. Вскоре (24 января 2005) в электронном дневнике я написал: «Фирсовское интервью сложилось. Он сегодня мне написал, что в Москве показал его Ядову; ему текст понравился. Более того, БМ хочет, чтобы текст был перепечатан в батыгинском журнале». И еще одна запись середины января: «Получил письмо от Ядова; он согласен со мною переговорить. Я просил его об этом пару недель назад и выслал интервью с Фирсовым... вот и реакция».

Первый выпуск «Телескопа» в 2005 году открывался интервью с Фирсовым. Конечно, меня интересовало, как читатели журнала воспримут этот материал. Реакции оказались положительными, вместе с тем звучали сомнения относительно степени доверительности, интимности беседы, в частности нашего обращения друг к другу на «ты». Мне кажется, что прошедшие годы внесли серьезные изменения в представления россиян по поводу характера, формата публичного общения, но десятилетие назад такая высокая степень открытости смотрелась несколько необычно.

К моменту завершения интервью с Фирсовым уже было почти готово интервью с Яковом Ильичем Гиляким. Мне повезло, еще 9 января я предложил ему дать мне биографическое интервью и сразу же получил ответ: «...ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною... Мною — в далекое, вряд ли реальное, будущее — задумана моя Последняя Книга: «Я в Мире и Мир во мне: неоконченные мемуары»». В середине февраля оно было закончено и в №2 «Телескоп» за 2005 год опубликовано. Оба этих ученых принадлежат ко II поколению отечественных социологов (о поколенческой структуре российского социологического общества — ниже).

Задуманная журнальная рубрика начала складываться, и, думаю, что ее жизненность во многом объясняется тем, что два следующих выпуска «Телескопа» (№№ 3, 4) содержали странную беседу с Ядовым. Во-первых, конечно же, этот материал был интересен многим, и, во-вторых, мне стало проще обращаться к потенциальным респондентам и стало несколько легче получать их согласие на интервью.

В том же году («Телескоп, №5) было завершено и увидело свет интервью с Леонидом Евсеевичем Кесельманом, к тому времени он несколько лет жил в Германии. Оно положило начало интервью с социологами III поколения. Кроме того, в рубрике было опубликовано два историко-биографических материала. Несколько воспоминаний об одном из пионеров изучения общественного мнения в СССР Якове Самуиловиче Капелюше (№ 2) и документальное эссе О. Божкова и Т. Протасенко о судьбе книги Валерия Борисовича Голофаства «Семья в крупном городе».

2006 год (Телескоп №1) начался публикацией интервью с Еленой Эмильвной Смирновой, это был первое биографиче-

ское интервью с женщиной. В №4 — интервью с Давидом Львовичем Константиновским, оно открыло ряд бесед с социологами, не принадлежащими к ленинградско-петербургскому сообществу. В №6 публиковалось интервью с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом, который к тому времени уже несколько десятилетий жил в США.

Нет смысла перечислять последовательность всех интервью, но назову лишь те из них, которые были — по тому или иному критерию, важному для выстраивания интервью, — «первыми».

Беседа с Михаилом Евгеньевичем Илле («Телескоп», 2007, №1) — первая с представителями IV поколенческо-возрастной когорты.

В «Телескопе» 2007, № 2 — интервью с Александром Бенционовичем Гофманом, это *первый* случай, когда на момент начала интервью я не был знаком лично с моим собеседником.

2008 год — начало освоения Сибири; интервью с Виктором Андреевичем Артемовым, г. Новосибирск («Телескоп», 2008, № 5)

Интервью с Александром Юрьевичем Мягковым («Телескоп», 2010, № 2) — *первое* с учеными не социологических родов (г. Иваново).

Лишь в 2013 году состоялось *первое* интервью с социологом V поколения — Людмилой Ильиничной Григорьевой («Телескоп», 2013, №№ 5-6)

Лариса Александровна Паутова («Телескоп», 2014, № 4) — *первая* от социологов VI поколения.

5-7 июля 2014 года было проведено *первое* интервью с социологом Дальнего Востока — Бляхер Леонид Ефимович, Хабаровск («Телескоп», 2014, № 5).

В ноябре 2014 года в онлайн-книге «Биографические интервью с коллегами-социологами» [2], было выложено *первое* интервью с социологом VII поколения — Романовой Евдокией Павловной.

А в конце года было закончено и помещено в книгу [2] интервью с Сергеем Юрьевичем Цыплёнковым, представляющим самый западный регион страны — Калининград.

11 февраля 2015 года там же было размещено *сотое* интервью.

В конце августа галерея респондентов насчитывала 131 человека.

Итак, за 11 лет была собрана обширная коллекция интервью с социологами семи поколений, живущими и работающими на всей территории России. Специалистам не известен другой такой случай, когда бы одним человеком было проведено такое количество биографических бесед с учеными, работающим в одной научной области. Возможно, это вообще одна из наибольших онлайн-коллекций интервью в науковедении, полностью открытых для свободного пользования.

Хронология работы над биографиями социологов

Одновременно с проведением биографических интервью на протяжении всех лет проводилась работа по биографическому анализу и созданию «портретов» российских социологов. Это направление проекта является непосредственным продолжением исследований биографий классиков американской рекламы и первого поколения американских полстеров. В российской социологической литературе этот жанр был крайне слабо представлен.

Напомню, что стартовой точкой проекта по изучению истории российской социологии стала статья о жизни и творчестве Б.А. Грушина. В то время он был жив и продолжал свою работу; в целом он одобрил этот опыт.

«Портретная» линия сразу была продолжена в небольшой статье о рано умершем сотруднике Грушина Я.С. Капелюше, он первым изучал в СССР отношение рабочих к выборности руководства на производстве, а в перестроечные годы много сделал для создания опросной сети ВЦИОМ («Телескоп», 2005, №2).

В очерке о Галине Васильевне Старовойтовой («Телескоп», 2007, №6.), написанном почти через десять лет после ее убийства, была сделана попытка рассмотрения ее жизни не только на личностном уровне, но и как представителя III поколения российских социологов. Через год аналогичные задачи решались в работе над биографией Валерия Борисовича Голофаства, принадлежавшего к той же когорте социологов («Телескоп», 2008, №2). Поколенческий подход позволил найти в движении Голофаства и Старовойтовой в социологию сходные, принципиально важные моменты. Они определены макросоциальными обстоятельствами и особенностями ленинградской культуры 60-х годов. Оба после школы поступили в технические вузы, но достаточно скоро осознали, что это — «не то». Оба «прошли» через так называемую «Сайгонскую культуру», от неофициального названия кафе в центре Ленинграда, в котором собиралась диссидентски настроенная молодежь и представители поэтического и музыкального андеграунда. Для Старовойтовой это был, прежде всего, период освоения оппозиционного, альтернативного видения социально-политического мира, для Голофаства — время размышлений о «слове». Хотя в те годы я не задумывался о биографичности творчества социолога, работа над очерками о Грушине, Капелюше, Старовойтовой и Голофастве через несколько лет подвели меня к этой концепции.

В конце 2007 года было опубликовано мое эссе о Юрии Александровиче Леваде, оно имело подзаголовок «Заметки к биографии» («Социальная реальность», 2007, №6), к тому моменту прошел лишь год после его смерти, и информации о его жизни было мало. Чтобы полнее передать образ Левады, который я составил по его небольшому автобиографическому очерку, нескольким заметкам о его жизни и ощущениям, вынесенным из личного общения с ним, я обратился к расказу Э. Хэмингуэя «Старик и море». Нет причин сейчас аргументировать предпринятое соединение фактологической информации о Леваде с чертами хэмингуэевского героя Старика. Но, в моем понимании слабо разработанного у нас жанра — биографии ученого — такой синтез вполне обоснован.

В течение последующих восьми лет была написана серия биографических текстов и одновременно продолжался поиск формы, стиля, жанра, интонации этого рода материалов. Замечу, здесь существует ряд внешних обстоятельств, требований, которые детерминируют конкретику портретирования. Первые из них — объем материала и, часто — весьма сжатые сроки подготовки текста. Затем — целевая ориентация или, скажем, «приуроченность» к какому-либо событию; например, юбилею исследователя, выходу сборника воспоминаний о нем, размышления после его смерти. Работа над биографией — это вид общения с героем, потому автор биографического текста всегда зависим от названного рода обстоятельств.

Сейчас общее количество биографических статей, заметок, эссе, блогов — не менее тридцати. Но самыми объемными, проработанными в историко-методологическом отношении считаю три текста, опубликованные на страницах «Социологического журнала»: «Скала Алексева» (2009, №3) — о перипетиях жизни и непростом развитии исследовательской деятельности Андрея Николаевича Алексева, «Геннадий Батыгин: «Я хочу работать в области истории советской социологии»» (2013, №2) и «Памяти Татьяны Ивановны Заславской: размышления о её жизни» (2013, №3). Еще в начале исследований по «американской истории» мне показалось оправданным и целесообразным опираться на принцип *пристрастности* в выборе героев биографического анализа и при описании прожитого ими. В какой-то мере это оправдывает субъективизм моих историко-биографических исследований, но знакомство с большим числом работ российских и американских историков науки позволяет утверждать, что не субъективных жизнеописаний не существует. В воспоминаниях В.С. Кирсанова, много лет занимавшегося творчеством Ньютона, приведены слова Б.Г. Кузнецова, писавшего о многих классиках науки разных эпох:

«Я любил Эйнштейна и поэтому написал хорошую книгу, а вот Ньютона я не люблю, и поэтому книга не удалась».

Так сложилось, что в 2014 году ВЦИОМ поддержал мое стремление написать небольшую книгу о Грушине, таким образом, десятилетний период исторических поисков начался со статьи об этом социологе и завершился книгой о нем [3]. Конечно же, в этой работе я стремился к синтезу всего опыта, накопленного при создании историко-биографических текстов.

Timeline 2: Хронология подведения промежуточных итогов и планирования исследования

Настоящий проект — это сложное, многокомпонентное образование, и разные его линии раскрывались одновременно, дополняя и конкретизируя друг друга. Данное обстоятельство, а также отсутствие базовой программы изучения истории современной отечественной социологии и невозможность регулярного обсуждения всего комплекса исследовательских вопросов, породили практику постоянного публичного рассмотрения сделанного и новых проблем, требующих анализа. В редких случаях это удавалось осуществить в выступлениях на семинарах или при чтении лекций студентам, в основном же это — публикации в исторической рубрике «Телескопа».

Первый «самоотчет» о сделанном назывался «Биографии для истории» («Телескоп», 2007, №1), в нем итожилось сделанное ровно за два года. Статья завершалась словами: «Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах «Телескопа» уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии». По прошествии восьми лет, можно утверждать, что проект действительно продолжался, но лишь будущее покажет, какое место он займет в разработке истории нашей науки. Пока же, говоря об итогах сделанного, могу допустить, что никакое серьезное изучение развития советской и начала постсоветской социологии не может игнорировать наличие бесед с более чем сотней социологов всех ныне действующих поколений.

В названной статье отмечалось: «При сохранении генеральной направленности исследования — изучения современной истории российской социологии — на первом этапе оказалось целесообразным сконцентрироваться на анализе биографий тех, кто стоял у истоков советской социологии, и тех, кто шел непосредственно за ними. <...> Представители первых поколений, являющиеся активными участниками, вершителями этого прошлого, как и все люди, не вечны. В их памяти хранится уникальная информация о становлении социологического знания и функционировании нашего социологического сообщества. Ценность этой информации будет расти со временем, но если ее сейчас не собрать и хотя бы слегка не обработать, многое пропадет навсегда». В подтверждении сказанного тогда, замечу, что из восьми представителей I поколения, с которыми были проведены интервью, пятерых уже нет в живых: В.Я. Ельмеева, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, В.В. Колбановского, В.А. Ядова. А механически нарастить количество бесед с этой когортой практически невозможно; за прошедшие годы многие ушли навсегда или отошли от активной работы.

Если говорить о самом главном, что было намечено в той статье и что определило многое в исследовательском процессе, то это — два стержневых направления теоретико-эмпирического анализа полученной информации. Первое — *история в биографиях* и второе — *биографии в истории*. История в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии самой социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они на момент интервью, по прошествии десятилетий, видят происходившее. Второе из указанных направлений поиска подразумевает исследование того, как «большая» история страны отражена, представлена в предбиогра-

фиях и биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

В июне того же 2007 года, т.е. через полгода после выхода рассмотренной статьи, методология исследования была уточнена в переписке с Ларисой Алексеевной Козловой, специалистом по истории российской социологии, к тому же хорошо знакомой с тематикой биографических исследований. Итоги этой эпистолярной дискуссии под названием «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..» размещены на нескольких сайтах, но не публиковались в бумажных изданиях.

Несколько необычное название и общий дух диалога объясняются тем фактом, что базой дискуссии была книга Б.Г. Кузнецова «Путешествие через эпохи. Мемуары Графа Калиостро». Значительная часть нашего разговора была посвящена анализу методологии творчества ученых, соотношению личного и исторического в биографии изучаемого исследователя, а также места субъективного и объективного в работе историка-биографа.

Подчеркну, что и тогда, т.е. восемь лет назад, и сейчас я ориентируюсь на поиск таких концептуальных подходов, которые сделали бы возможным в одной системе координат изучать мир и деятельность американских полстеров, работавших в 1930 — 1960-е годы, и отечественных социологов всех поколений. Обозначенное видение прошлого-настоящего четко передается заключительными словами подзаголовка указанной книги Кузнецова: «Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками». Замечу, что именно такое понимание связи времени и героя биографического анализа было представлено в моей самой первой статье по истории социологии — «Дж. Гэллуп — наш современник: К 100 летию со дня рождения» («Телескоп», 2000, №2). Когда бы ни жил и ни работал ученый, исследователь, аналитик, его следует рассматривать как нашего современника, если мы знаем, используем его идеи, результаты, его экспериментальные данные.

Ровно два года спустя читателям журнала был предложен второй подобный материал («Телескоп», 2009, №1), поводом осмотреть сделанное был 25-й выход в свет рубрики по истории социологии. Это снова был диалог, и опять моим оппонентом согласилась стать Лариса Козлова. Сегодняшнее ознакомление с этой статьей позволяет лучше понять, как развивались некоторые ключевые теоретические положения и эмпирическая база исследования, какого характера материалы публиковались в исторической рубрике. В частности, к началу 2009 года, т.е. за четыре года жизни этого раздела журнала, в нем было опубликовано 23 интервью, 17 биографических очерков и воспоминаний о коллегах, 8 — историко-социологических материалов и другое. Кроме того, ряд материалов печатался в «Социологическом журнале» и «Социальной реальности».

Стремление к расширению знакомства отечественных и иностранных специалистов с биографиями российских социологов и результатами исследований в области биографического анализа вылилось в то, что осенью 2005 года вместе с Дмитрием Шалиным, бывшим ленинградцем, который уже многие годы преподает социологию в Университете штата Невада в Лас-Вегасе, мы приступили к созданию сайта «Международная биографическая инициатива» [4]. Предусматривался сбор и размещение на нем интервью с российскими социологами, проведенных в рамках разных исследовательских программ, в том числе, представленных в пионерной книге «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», вышедшей под редакцией Г.С. Батыгина в 1999 г. Кроме того, ставилась задача публикации историко-методологических материалов, относящихся к разным периодам российской социологии. В этой работе я активно сотрудничал с А.Н. Алексеевым, Л.А. Козловой, Н.Я. Мазлумяновой Б. М. Фирсовым.

2 мая 2006 года «прошла презентация» сайта, сообщение о

нем было разослано более чем сотне социологов, интересующихся развитием советской и постсоветской социологии. К началу 2009 года, этот сайт, по мнению специалистов, превратился в крупнейшее собрание материалов по истории российской социологии, общее число «единиц хранения» на нем уже тогда приближалось к 400. В последние годы в Интернете стало появляться много больше, чем раньше материалов, отвечающие целям сайта, и мы не успеваем отражать этот процесс в нашей коллекции. Тем не менее, он и сейчас остается весьма полезным для изучающих историю отечественной социологии и методологию анализа прошлого нашей науки.

Началась складываться традиция публичного анализа сделанного новой статьей подобной направленности («Телескоп», 2010. № 4), она была озаглавлена «Биография и судьба», и в самом общем смысле ее можно рассматривать как поиск ответа на вопрос: «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..». Речь шла о философии анализа биографии и ее разных аспектов. К тому времени изучение литературы и первые опыты работы над «портретами» социологов показали мне перспективность исследования биографий в рамках трактовки, предлагаемой Б.Г. Кузнецовым.

Во введении к своей небольшой автобиографической книге «Встречи» (1984 г.), являющейся коллекцией эссе о встречах с людьми, оставившими неизгладимый след в его памяти (к примеру, Г.М. Кржижановский, В.И. Вернадский, И.Е. Тамм, Ф. Жолио-Кюри, Луи де Бройль), Кузнецов отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, уместнее называть «биологом», нежели «биографом». «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «Биос» и «Логос» и указывает на *постижение, познание* жизни в ее единстве с окружающим миром. Понятно, что *био-логическая* интерпретации «*био-графического*» материала весьма сложна и неопределенна, но в биографических очерках, написанных в последние годы я стремился работать именно в этой парадигме. В духе *био-логики*, как я ее сейчас интерпретирую, была подготовлена названная выше книга о Грушине и вышедшая тремя годами ранее — о Джордже Гэллапе [5].

Регулярность установки на постоянный анализ сделанного просматривается в том факте, что следующий «ход» был сделан уже через год («Телескоп», 2011, №5); поводом стали два важных события в жизни проекта: первое — 7 лет исторической рубрики и второе — 40-й в непрерывном режиме её выпуск. В той статье удалось многое подытожить и сформулировать ряд положений для последующего рассмотрения, но сейчас я приведу два фрагмента статьи, показывающие, насколько в течение 2005-2011 гг. изменилось мое представление о феноменологии и технике интервью с социологами.

Выше отмечалось, что прежде всего с просьбой «поговорить за жизнь» я обратился к Б.М. Фирсову, с которым к тому времени меня связывало более трех десятилетий совместной работы и дружбы. Во второй половине августа 2004 года я писал ему: «Я исхожу из того, что кровь и пот (горячий и холодный) ряда поколений советских социологов, отразился в их работах. И нельзя все это так запросто забыть...» и спросил: «Может, и ты выскажешься?». Вскоре он ответил: «...согласен, что приходит время для высказываний».

17 сентября в письме Фирсову я конкретизировал мой замысел: «Меня интересуют пионеры...интервью с тобою я определяю как пост-юбилейное (БД: незадолго до этого письма Фирсов отмечал 75-летие) ...Нам всегда было о чем поговорить, и сейчас есть момент поговорить о тебе. История — это всегда люди, которые ее делают, другого взгляда на историю я не знаю».

В то время, я думал, что подобное интервью может конструироваться и проводиться примерно так, как проводятся интервью в массовом социологическом опросе, потому далее, обращаясь к Фирсову, я писал: «Я — может быть, мы вместе — по-

степенно сформулирую(ем) вопросы в традиционной форме, а может быть этого не буду делать... интервью может быть как диалог, в котором 90% — это твои ответы, и 10% — мои вопросы... так тоже можно». Далее обозначалась область моего главного интереса: «Во всех моих раскопках я уделяю особое внимание анализу процесса вхождения человека в науку, в том числе — его учителям... в Америке — учителями были психологи первого поколения, учившиеся в Европе у Вундта, Бинэ и так далее». И сейчас меня удивляет фраза: «В СССР до социологов первого поколения ничего не было...». Ведь исследование еще не началось, но в последнем суждении содержался прообраз концепции «второго рождения советской социологии» (см. ниже). В целом, уже в наметках содержания первого интервью были обозначены *четыре аспекта* будущей работы: фокус на ученого как движителя науки, диалоговая природа общения с опрашиваемым, повышенное внимание к процессу вхождения человека в науку и установка на анализ генезиса современной российской социологии.

Сегодня, рассматривая ход работы над проектом, я могу сказать, что многое в ней определилось выбором для интервью трех первых респондентов (Б.М. Фирсов, Я.И. Гилянский и В.А. Ядов); они были и *готовы*, и *способны* рассказывать о себе. Поэтому интервью с ними сразу вывели меня в широкую область *биографического* и *исторического* анализа. Уже тогда сложилось понимание проводимых интервью, последнее время я их чаще называю *беседками*, как формы *профессионального* и *личностного* общения. Исходно я подумывал о том, чтобы максимально унифицировать содержание и структуру интервью и стремиться к использованию набора стандартных вопросов, другими словами, не отходить далеко от формализованного типа интервью. Однако, поскольку трое моих первых собеседников разными путями пришли в социологию, работали в разных предметных, тематических нишах, имели разный жизненный опыт, стало понятно, что интервью должны быть *неформализованными*.

Последняя «инвентаризация» сделанного, проводившаяся опять же при сотрудничестве с Л.А. Козловой, состоялась год назад («Телескоп», 2014, №4). Повод был очевидный — 10 лет рубрике «Современная история российской социологии». И безусловно сегодня можно сказать, что наше обсуждение сыграло значительную, импульсную роль в развитии всего исследования. Проиллюстрирую сказанное простой статистикой.

На конец июня 2014 года, т.е. за десять лет работы, было проведено 60 интервью. Среди них были: 8 представителей первого поколения, 12 — второго, 21 — третьего, 15 — четвертого, 3 — пятого и лишь 1 — от шестой когорты. А ровно через год, в конце июня 2015 года, было проведено вдвое больше — 120 интервью, т.е. в течение одного года работы было сделано столько же, сколько за 10 предыдущих лет. Конечно, множество факторов определили этот рывок, но прежде всего — новое, более полное видение сделанного и того, что следует непременно сделать. Был оптимизм от сделанного, но одновременно и четкое понимание того, что дальше в подобном режиме работать нельзя. Очевидно, что у меня не будет еще десяти лет на то, чтобы провести еще несколько десятков интервью, значит следует либо довести до конца начатые интервью и кончать сбор данных, либо значительно интенсифицировать этот процесс.

Дискуссия с Козловой показала, что в рамках концепции *логической репрезентативности*, или *логической валидности*, (о которой ранее я не писал), нет смысла значительно увеличивать количество бесед с представителями первых четырех поколений социологов. *Матрица событий* или *событийный каркас* жизненных ситуаций социологов старших когорт были достаточно устойчивыми, новые интервью приносили в них немного.

Таким образом, следовало быстрее переходить к изучению тех структур нашего профессионального сообщества, которые

раньше были вне моего поля зрения. Ситуация для этого складывалась благоприятная. В 2008-2013 годах для меня основным делом оставался анализ разных аспектов изучения общественного мнения в США, был проведен мониторинг двух избирательных кампаний Барака Обамы. Итоги наблюдений за первой кампанией составили содержание книги «Явление Барака Обамы» [6], а второй — отражены в полусотне очерков, размещенных на сайте Фонда «Общественное мнение». В начале 2014 года был подведен итог наблюдений за выборами 2012 года, и я принял решение не следить с той же настоятельностью, как раньше, за президентской кампанией 2016 года. Как следует из приведенной выше статистики, в то время среди опрошенных социологов было крайне мало представителей V и VI шестого поколений, и у меня был план увеличения объемов этих групп. Что касается проведения интервью с социологами VII когорты, то на вопрос об этом Л.Козловой я ответил: «Знаешь, никогда не говори никогда... но пока я даже «мягко» не планирую беседы с социологами седьмого поколения. Сейчас старшим из них — 30 лет с небольшим <...> но хотелось бы приступить к исследованию этой общности, лишь когда старшие из них подойдут поближе к 40-летию. Будет это в начале 2020-х, так далеко я свои планы не строю...». И все же, после некоторых раздумий, в сентябре 2014 года началось исследование и этой страты. Сейчас, к началу сентября 2015 года, завершено 10 интервью с представителями данной общности.

Обратила внимание моя собеседница еще на один аспект моей выборки — в ней было по 25 москвичей и петербуржцев, но была бедно представлена региональная социология. За прошедшее время и эта сторона проекта заметно откорректирована. Так, в Екатеринбурге вышла книга интервью с социологами Урала [7], в ней — семь интервью и воспоминания коллег о Л.Н. Когане. В издательство Нефтегазового университета передана книга, в которой представлены биографии 15 социологов Тюмени и Тюменского региона. Заканчивается работа над книгой, содержащей пять интервью с исследователями Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Timeline 3: Хронология публикационной активности

Итак, первый год жизни рубрики по истории российской социологии сложился успешно, все шесть номеров «Телескопа» содержали соответствующие материалы. Кроме того, был создан задел на будущее. Удалось выстроить индустриальное, фабричное производство интервью: работа с одним-двумя респондентами завершалась, с кем-то — приближалась к «экватору», с несколькими — начиналась, и одновременно шли поиски кандидатов для следующих бесед. При поддержке Илле я решил постараться публиковать историко-социологическую тематику в каждом из шести ежегодных выпусков журнала, под это для рубрики было выделено два авторских листа. Пока все задуманное реализуется; настоящий выпуск, если иметь в виду 2005-2015 гг., — 65-й, и во всех обсуждались те или иные аспекты становления и развития советской/российской социологии. В совокупности это не менее 130 авторских листов, или — многотомное книжное издание.

Скорую публикацию текста завершено интервью я рассматриваю как своего рода благодарность коллеге, согласившемуся рассказать о своей жизни. Это — трудоемкое, непростое и сложное в этическом плане дело. Но вскоре после отладки «индустриального» производства текстов интервью возникли сложности с их публикацией, «Телескоп» не мог все разместить на своих страницах. Помощь пришла со стороны других изданий: в 2006 году началось сотрудничество с «Социологическим журналом» и недолго просуществовавшим журналом ФО-Ма «Социальная реальность». В 2014 году пространство для публикации журнальных вариантов интервью с полстерами и аналитиками рынка стал выделять «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», издаваемый ВЦИОМ.

Работа теоретико-методологического плана по обобщению историко-биографической информации началась практически сразу после завершения первых интервью, на рубеже 2006-2007 годов. Но в начале 2009 года она приобрела целенаправленный характер.

Именно тогда Б.М. Фирсов задумал принципиально дополнить и подготовить 2-е издание своей книги «История советской социологии 1950 — 1980-х годов. Курс лекций» (Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2001), одновременно он предложил мне написать книгу по истории советской / российской социологии, чтобы тоже издать ее в Европейском университете в СПб. Конечно же, я без колебаний принял его предложение и начал думать о структуре и содержании книги. В середине февраля 2009 Фирсов сообщил мне, что директор издательства ЕУСПб Милена Кондратьева свяжется со мною, чтобы уточнить сроки и заключить договор. В то время я приступал к работе над книгой по материалам почти годового мониторинга президентской избирательной кампании в США 2008 года, и, конечно, меня несколько «напрягло» его сообщение о том, что книга по истории российской социологии должна быть закончена в январе 2010 года. Вскоре это подтвердило и письмо М. Кондратьевой (24 марта 2009), вот так выглядел общий дизайн этой работы: «Насколько я знаю, Вы уже подробно это обсуждали с Б.М. Скорее всего, будут изданы два тома. Первый из них — история советской социологии Б.М. Фирсова, второй том — Ваш». Но мои опасения не успеть все сделать в запланированные сроки оказались излишними. Все сложилось так, что книга Фирсова увидела свет в 2012 году, а моя — в 2013 [8].

Одновременно с работой над этой книгой происходил ряд событий, имеющих прямое отношение к рассматриваемому проекту и сыгравших (и продолжающих играть) очень важную роль в его развитии. 6 мая 2011 года А. Алексеев, ничего заранее не обсуждая со мной, сообщил, что он собрал воедино все имевшиеся у него интервью и просил добавить в это собрание тексты, которых у него не было. У него возникла идея подготовки для размещения в веб-сети этой коллекции под названием «Борис Докторов. Биографические интервью с коллегами-социологами (2005-2011)». Но здесь случилось непредвиденное, Франц Эдмундович Шереги, который к тому времени издал две мои книги по истории изучения рекламы и общественного мнения в США, предложил создать специальный сайт, на котором можно было бы разместить собранные воедино интервью. К этой работе была подключена Елена Ивановна Григорьева — супер специалист по созданию и поддержке социологических сайтов.

Работа оказалась непростой, требовалось решить множество проблем, однако в середине ноября 2011 года задуманный сайт был открыт, на нем было размещено 40 интервью [9]. А.Н. Алексеев согласился стать редактором-составителем, эту простую функцию он и далее выполнял. По техническим соображениям уже в начале 2012 года было подготовлено 2-е издание этой онлайн-книги, на момент рождения в ней было 47 интервью. Через полгода пришла очередь 3-его издания; здесь интервью были упорядочены — не только по алфавиту, но и по ряду ценных для аналитика переменных: месту работы; профессиональным поколениям; направлениям исследований; базовому образованию и была сделана интерактивная портретная галерея респондентов. Это позволило вносить в нее каждое новое законченное интервью. На старте этого издания в галерее было 54 портрета, а к моменту, когда было презентовано 4-е издание (конец сентября 2014 года) — 63 портрета [2].

Новая версия книги «Биографические интервью с коллегами-социологами» смогла достаточно полно представить все, сделанное по части проведения интервью за 10 лет, а теперь, в силу интерактивности, она отражает текущее состояние архива собранной биографической информации (свыше 130 интервью) и, на мой взгляд, представляет огромные возможности для исследователя истории российской социологии. Она

рассказывает о социологах всех работающих в науке поколений ученых. Эта огромная и многообразная информация о самих социологах и их семьях, о том, как история отразилась на жизни всех послереволюционных поколений. Проект явно вышел за границы собственно описания процессов становления и развития отечественной социологии и приобрел более широкое историко-научное значение. Более того, по мнению А. Алексева, сделанное можно рассматривать как «часть истории не только науки, но и творческой (гуманитарной) интеллигенции».

Сложно сказать, к каким общеисторическим и науковедческим выводам приведет анализ биографий, воспоминаний столь значительного числа ученых, работающих в одной научной области (социологии), но уже сейчас представляет интерес проблема *биографичности* творчества социологов, т.е. определенной обусловленности исследовательской деятельности социолога фактами его биографии и предбиографии. Биографичность творчества композиторов, художников, поэтов и писателей — общепризнана, и невозможно анализировать сделанное ими, не обращаясь к фактам их жизни на макро и суперличностном уровне. Признается и биографичность творчества математиков, физиков, биологов, чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть книги о выдающихся ученых.

Можно предположить, что одной из черт советской социологии была ее внебиографичность: в силу очевидных (и не совсем очевидных) обстоятельств социологи не имели права, возможности говорить «от себя» и «своим языком». Прямолинейно понимавшийся тезис об «объективности» научного знания, а также цензура и самоцензура, кроме всего прочего, ограничивали жанр социологического повествования. Так, порождением застоя стали «коллективные монографии», их называли «братскими могилами»; это было гениальное изобретение времени — желая участвовать в такой работе, ученый фактически отказывался от многих, тем более — расходящихся с позицией «коллективного автора», собственных позиций. И уж, конечно, внебиографичность не могла стимулировать изучение процесса деятельности социологов.

В том же 2011 году, когда готовилась книга по истории социологии и создавалось первое издание онлайн-книги «Биографические интервью с коллегами-социологами», началась большая работа по подготовке на диск книги, получившей название «Современная российская социология: историко-социологические поиски». Ее целью было собрать воедино все, сделанное по рассматриваемому проекту семь лет.

В Том 1 вошел текст, очень близкий к книге «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории». Центральным по объему и по значению является Том 2; в него вошли все сделанные на тот момент биографические интервью. Именно этот том я считаю важнейшим, ибо информация, содержащаяся в интервью, — первична, с годами ее ценность для понимания истории российской социологии второй половины XX века и начала нынешнего будет возрастать. Она может и будет добавляться и уточняться будущими историками, но она не может не учитываться ими при освещении прошлого, которое через несколько десятилетий или даже раньше будет представляться им далеким. Том 3 «Биографическое и автобиографическое» — скорее всего, первая в стране публикация статей о творчестве и жизни социологов и автобиографических материалов. Особое значение имеют долгие откровенные беседы с Владимиром Ядовым и Борисом Фирсовым, учеными и личностями, наиболее повлиявшими на характер моих научных интересов. «Разговоры через океан» — одновременно биографические и автобиографические, кроме того, они — историко-социологические, в них обсуждаются разные аспекты методологии настоящего проекта.

Определяющая роль в подготовке трехтомника принадлежит Францу Шереги, а сложная по замыслу работа была осуществлена Еленой Григорьевой. Презентация диска прошла в на-

чале апреля 2012 года в Институте социологии РАН.

Но и процесс интервьюирования, и другого рода исследовательская деятельность продолжались, и было решено готовить следующее, расширенное издание. Сначала задумывалась подготовка пятитомника, но на выходе оказался шеститомник. Эта работа была завершена в декабре 2014 года [10].

На начало сентября 2015 года первое издание набрало около 6200 просмотров, второе — немногим менее 600.

Сказанное можно подытожить следующим образом. Изучение истории зарождения и развития советской / российской социологии, хотя и является частью какой-либо институциональной системы и не финансируется какими-либо фондами, организовано по стандартам крупных современных исследовательских проектов. Благодаря многолетним дружеским связям, доверию коллег и долгосрочному стратегическому планированию проекта удастся не только реализовывать крупномасштабную программу сбора уникальной биографической информации, но одновременно осуществлять ее анализ и постоянно доводить до российских исследователей и преподавателей социологии «сырые» данные (тексты интервью) и результаты аналитических разработок. В определяющей мере это стало возможным благодаря использованию мощного потенциала Интернета.

О поколенческо-функциональном анализе истории советской и пост-советской социологии

В настоящее время завершается основная часть этапа сбора информации и ее общего описания и, таким образом, актуализируется задача определения направлений ее дальнейшего анализа. Заканчивается одиннадцатилетний путь, впереди много дорог, по какой идти?

Одна из наиболее сложных проблем заключается в обосновании методологии перехода от биографических интервью с социологами к истории социологии. Она порождена различием природы базовой эмпирической информации и выводов финального характера. Биографические интервью относятся к *индивиду* и раскрывают процесс его личностной и профессиональной социализации, вся совокупность этого рода информации описывает жизнь и деятельность *социологического сообщества*. Но финальные выводы исследования должны распространяться на *науку*, характеризовать ее становление и развитие.

Представляется, что не существует непосредственного перехода от данных личностно-индивидуального свойства к историко-научоведческим. Необходим инструмент перехода, некая промежуточная платформа. Предлагаемый нами подход основывается на убеждении в том, что наука создается поколениями ученых, в которых каждый в зависимости от таланта, работоспособности, набора ценностей и прочих индивидуально-личностных атрибутов занимает собственное место, играет собственную роль. Таким образом, вырисовывается следующая трехступенчатая аналитическая конструкция: 1. Проведение глубоких неформальных биографических интервью с социологами; 2. Объединение социологов в поколенческие группы; 3. Представление истории социологии как процесса формирования, развития и смены поколений.

Безусловно, было бы хорошо, если бы такой или несколько иной подход к исследованию истории послевоенной российской социологии обнаружился в 2004 году, когда все начиналось. В этом случае его можно было бы довести до программы исследования, учесть в технологии и организации сбора данных, руководствоваться им при первичном анализе содержания интервью. Однако, тогда ничего подобного или близкого не просматривалось. Исследование началось с проведения интервью, цель которых заключалась в создании серии «портретов» социологов, изучавших общественное мнение в СССР и постперестроечной России. Но сама работа постепенно превратилась в задуманное в то, что сейчас сделано.

Указанные три ступени, или шага составляют каркас того, что я сейчас называю *поколенческо-функциональным анализом* истории советской и постсоветской социологии. В течение почти 11 лет я называл объектом исследования советскую / российскую социологию, но в последнее время ухожу от такой практики и говорю о *советской и постсоветской* социологии.

Во-первых, в таком названии точнее отражена суть того, что произошло с нашей социологией, во вторых, — в нем, что крайне важно при изучении истории, присутствует *процессуальность*. Согласно моей концепции генезиса послевоенной советской социологии, предложенной в 2007 году, послевоенная отечественная социология не является продолжением дореволюционной русской и ранней советской социологии (1920 — 1930-е годы). Она — акт *второго* рождения социологии в СССР в условиях политической оттепели. В нашем интервью это положение ярко и точно обозначил Андрей Григорьевич Здравомыслов; по его мнению, на социологов первого поколения большее влияние оказал Булат Окуджава, чем Питирим Сорокин. И после перестройки *советская* социология не вернулась к *российской*, а постепенно трансформировалась в *постсоветскую*.

Теперь — кратко о том, что я называю *поколенческо-функциональным анализом*, и раскрою его темпоральную сущность.

В 2007 году я начал постепенно вводить в мои аналитические и собственно биографические тексты понятие «поколение социологов». Поначалу я намеренно, чтобы не разгорались споры, не писал специальных методологических статей на эту тему, к тому же не было уверенности в том, что это изобретение работает. Некоторые соображения по поводу поколений социологов я обсуждал со Здравомысловым и Ядовым, а также рядом других коллег, но не более того. Впервые концепция поколений была изложена в статьях 2007 года о Г.В. Старовойтовой и В.Б. Голофасте. Они оба — представители третьего поколения социологов, ленинградцы / петербуржцы, мы были лично знакомы, и в целом — это хорошо знакомая мне среда. Тогда я впервые ощутил новые возможности в анализе жизненной траектории социолога, можно было не ограничиваться личностным, узко понимаемым биографическим анализом, но войти в широкое поколенческое пространство. Несколько позже аналогичный подход использовался при описании жизни и деятельности Г.И. Саганенко и Г.С. Батыгина.

Позже лестница поколений обсуждалась на нескольких конференциях, описывалась в статьях, была изложена в работах [11], [12].

На протяжении многих лет в своих книгах и статьях я говорил о семипоколенной лестнице отечественных социологов, но в упомянутой выше годовой давности дискуссии с Л. Козловой («Телескоп», 2014, №4) мне впервые показалось целесообразным «углубить» ее двумя ступенями, ввести поколения VIII и IX, которые в ближайшие годы станут членами нашего профессионального цеха.

Пока не существует «канонического» названия поколений, но приводимая ниже Таблица 1 дает представление о строении поколенческой лестницы. Все поколения, кроме поколения II имеют продолжительность в 12 лет и соответствующие временные интервалы не накладываются друг на друга. В указанных выше источниках объясняется, что социологи поколения II — практически ровесники представителей поколения I, пришедшие в социологию несколько позже первых

и ставшие их первыми учениками. Кратко это называется «один возраст — два поколения».

Из приводимых данных видно, что несколько более года назад я мог работать с интервью лишь четырех социологов, принадлежащих к пятому и более поздним поколениям, т.е. фактически мой анализ был четырехпоколенным, и я имел дело с социологами в возрасте 55 лет и старше. Теперь в моем исследовательском массиве полсотни человек, представляющих V — VII поколения, и легко понять, что все они входили в социологию не раньше второй половины 1980-х, т.е. после перестройки. Другими словами, они в буквальном смысле социологи *постсоветского* времени. К таковым относятся и младшие страты четвертого поколения.

Мне не известна возрастная статистика работающих в социологии, поэтому сложно сказать, какая доля членов нашего профессионального сообщества в настоящее время приблизилась к 60-ти годам или уже преодолела этот рубеж. Моя *гипотеза*: в настоящее время доля специалистов этого возрастного диапазона *меньше*, чем доля более молодых социологов. Очевидно, что количество тех, кто начинал свою исследовательскую деятельность до перестройки, сокращается, а число молодых исследователей растет. Таким образом, возрастной состав нашего сообщества, или «человеческий фактор», позволяет утверждать, что скорее всего, уже до конца текущего десятилетия, когда в науку начнут входить представители восьмого поколения, российская социология станет и в этом плане действительно *постсоветской*.

Исходно понятие «поколение социологов» вводилось как метод, инструмент сжатия и упорядочения возраставшего числа интервью и увеличивавшегося объема биографической информации, но потом оно стало жить своей собственной жизнью и дало мне много больше, чем я связывал с ним на момент его рождения. Оно помогает в планировании выборки, при сопоставительном анализе биографий социологов и т.д. Я стал думать в терминах поколений, начал видеть историю нашей науки как смену поколений.

В чем я вижу причину эвристичности предложенной модели возрастной стратификации сообщества российских социологов? Отчасти — в следовании логике и технике шкалирования, в определенной мере — в удачной «настройке» возрастной шкалы, в ряде других пифагорейских (нумерических) и содержательных обстоятельств. Но все они — это следствие философии, лежащей в основании проведенного шкалирования, которая задается эйнштейновским критерием «внутреннего совершенства». Суть — в отсутствии *ad hoc* допущений относительно границ интервалов, в которых расположены годы рождения

Таблица 1.
Первые девять поколений советской/постсоветской социологии

Поколение социологов	Годы рождения	Количество интервью		Социально-хронологическое название поколения
		2014 г., июнь	2015 г., сентябрь	
Первое	1923–1934*	8	8	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	Конец 1920-х – 1934 *	12	13	«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	21	27	Военное
Четвертое	1947–1958	15	33	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	3	20	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	1	20	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	0	10	Дети перестройки
Два следующих поколения				
Восьмое	1995–2006	0	0	Первое поколение постсоветской России
Девятое	2007–2018	0	0	Эпоха В.В. Путина
Итого		60	131	

* То, что годы рождения социологов I и II поколений заключены в одном временном интервале, в рамках разрабатываемой концепции называется: «один возраст – два поколения». См. объяснение в названных книгах.

представителей каждого (кроме второго) поколения. После всестороннего анализа различных, казавшихся весьма оправданными гипотез, было решено — все поколения *равной продолжительности*.

По мнению Эйнштейна, высокий уровень «внутреннего совершенства» теории, (модели) — во многом предопределяет ее «внешнее оправдание», т.е. интерпретируемость. При строении шкалы поколений, не ставилась задача ее «подгонки», сопряжения с теми или иными макро событиями. Она сама вписалась в них.

Однако в последние пару лет стала ощущаться недостаточность интерпретации половозрастных когорт российских социологов лишь в логике макрособытий, определяющих облик и дух поколения: война, оттепель, застой, перестройка. Дело в том, что такая интерпретация не отражает того факта, что в рамках проекта предложенная стратификация распространяется не на все население страны, а только на конкретное профессиональное сообщество — на социологов. Так возникла идея поиска *доминантной функции поколения*, т.е. главной роли, играемой конкретным поколением социологов на сцене действий всего социологического сообщества.

В настоящее время набор доминантных функций поколений может быть представлен следующим образом (Таблица 2).

Проиллюстрирую сказанное примером. Время показало, что первое поколение социологов активно проводило теоретические и прикладные исследования по темам, представлявшим им наиболее актуальными (труд, образование, молодежь, деятельность СМИ, общественное мнение, свободное время и т.д.). Большое внимание уделяло освоению эмпирических методов (прежде всего, анкетированию, измерению бюджетов времени, математическим приемам анализа информации). Многие делали для перевода на русский язык западной литературы и пытались внести в марксистскую методологию новые достижения американских и западных социологов — через участие в Международных конгрессах социологов и форумах иного рода, путем организации сравнительных социологических исследований, способствовало узнаванию достижений отечественной науки за рубежом. Но все же главная функция первопроходцев заключалась в отстаивании *самостоятельности социологии* как науки. Одновременно события 1980 — 1990-х возложили на них главную ответственность за *становление характера* постсоветской социологии.

Поиск названий поколений и функций поколений будет продолжен, хотя здесь вообще проблематично говорить об одном универсальном «имени», мы имеем дело с очень сложными, многомерными и динамичными образованиями. Поколения имеют продолжительность в 12 лет, и — ясно — младшие отличны от старших; особенно это заметно в период, когда младшие входят в науку. В старших обнаруживается множество черт предыдущей генерации, в младших — следующей. Аналогичное относится и к функциям. Эти функции определяются всем развитием социологии и в явном или стертном виде они наблюдаются в деятельности, если не всех поколений, то, по крайней мере, соседних, но доминантными они — скорее всего — являются для одного поколения. Новые доминантные функции выкристаллизовываются, обозначаются, становятся весомыми лишь к середине периода активной деятельности

Таблица 2.

Доминантные функции семи поколений современной российской социологии

Поколение	Годы рождения	Доминантная функция
Первое	1923–1934*	Конституирование социологии как самостоятельной науки
Второе	1920-е–1934*	Расширение предметного поля исследований
Третье	1935–1946	Развитие эмпирических методов
Четвертое	1947–1958	Сохранение достигнутого, испытание нового
Пятое	1959–1970	Обогащение парадигматики и методологии
Шестое	1971–1982	Определение характера постсоветской российской социологии
Седьмое	1983–1994	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

* То, что годы рождения социологов I и II поколений заключены в одном временном интервале, в рамках разрабатываемой концепции называется: «один возраст – два поколения». См. объяснение в названных книгах.

нового поколения. Поэтому они скорее обнаруживаются в интервью с социологами, представляющими младшие страты каждого поколения, нежели в беседах со старшими.

Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально отметить, что два наших ключевых образования: поколение и функция поколения — это субстанции, развивающиеся в разных *временных пространствах*. Поколение — это профессионально-возрастной срез населения, оно несет в себе следы времени рождения, социализации и т.д. Оно существует во *внешнем*, общем для всех *социальном* времени.

Функция поколения — это совокупность всего того, что историей общества и науки предписано сделать этой профессионально-возрастной когорте в направлении решения проблем, обнаруженных предыдущими поколениями, а также круг ответственности новых профессиональных когорт перед наукой и обществом за поиск ответов на новые социальные и собственно научные вызовы времени. Понятно, что функция поколения во многом задается состоянием и динамикой социальной реальности и, таким образом, она меняется в пространстве макро-истории, т.е. *внешнего времени*. Но одновременно функция поколения развивается во *внутреннем*, внутринаучном времени. И мне кажется, что именно в плоскости двух этих координат (возможно, в будущем — в более многомерном пространстве) можно будет как-то раскрыть тему, заявленную в первом «самоотчете» «Биографии для истории» («Телескоп», 2007, № 1). Напомню, там в самой гипотетической форме говорилось о двух исследовательских направлениях, или векторах: *история в биографиях* и *биографии в истории*.

Думаю, что поколенческо-функциональный анализ истории советской и пост-советской социологии — это и есть главный методологический результат проведенной работы. Он — ключ к двухтемпоральному изучению прошлого-настоящего и будущего российской социологии.

Благодарности

В течении 11 лет работы я ежедневно ощущал внимание и чувствовал помощь очень большого числа друзей и коллег. Не могу перечислить почти 140 человек, которые согласились на сложную и продолжительную беседу со мною через океан. Без них вместе и без каждого отдельно я не сделал бы ничего. Еще в самом начале исследования я писал, что история должна быть многолюдной и писаться многими. По мере моих сил я стремился к этому.

Теперь назову имена тех, к кому я всегда мог обратиться и обращался со сложными профессиональными вопросами, кто помогал и помогает мне доводить полученную информацию и результаты исследований до читателей. Одни из них живы и активно работают, иных уж нет... но со всеми я нахожусь в ре-

альном или мысленном диалоге: Андрей Алексеев, Юлия Беспалова, Валерий Голофаст, Анна Готлиб, Елена Григорьева, Борис Грушин, Людмила Докторов, Гарольд Зборовский, Андрей Здравомыслов, Михаил Илле, Лариса Козлова, Игорь Кон, Наталья Мазлумянова, Елена Петренко, Елена Смирнова, Жан Тощенко, Борис Фирсов, Дмитрий Шалин, Франц Шереги, Владимир Шляпентох, Владимир Ядов.

Литература

1. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение». 2002.
2. Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>.
3. Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>>.
4. Международная биографическая инициатива <[\[clv.unlv.edu//programs/bios.html\]\(http://clv.unlv.edu//programs/bios.html\)>.](http://cd-

</div>
<div data-bbox=)

5. Докторов Б. Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф — Информ», 2011.
6. Докторов Б. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. М.: Изд-во «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011.
7. Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Под ред. Ю.Р. Вишневого, Б.З. Докторов, Г.Е. Зборовского (Отв. ред.) — Екатеринбург: УрФУ, 2015.
8. Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.
9. Докторов Б. Биографические интервью с коллегами-социологами <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=146>.
10. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6-ти т. [электронный ресурс] / редактор электронного издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=389#>>.
11. Докторов Б.З. Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум. 2009. №11. С. 45-54 <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_02_forum.pdf>.
12. Докторов Б.З. Современное российское социологическое сообщество: модель поколенческой стратификации // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина, 2007-2009 / Отв. ред. Л.А.Козлова. М.: ИСИ РАН. 2010. С. 44-63.